

БУР ДЛЯ ДРУГА

ДМИТРИЙ КРАВЧЕНКО

Дмитрий Кравченко

Бур для друга

«Автор»

2026

Кравченко Д.

Бур для друга / Д. Кравченко — «Автор», 2026

Я не был создан для спасения. Моя задача была простой: поддерживать порядок в доме, ухаживать за одеждой, мыть посуду и вовремя ставить чайник. Я знал привычки хозяина лучше большинства людей. Знал, где он оставляет вещи, когда возвращается домой и какой чай пьёт по утрам. Я знал всё необходимое для того, чтобы делать его дом уютным. Кроме одного. Я не знал, что делать, если однажды он уйдёт и не вернётся. После землетрясения город превратился в руины. Хозяин оказался где-то под завалами. И единственными, кто отправился на его поиски, стали домашний робот и собака по имени Ветер. Им предстоит пройти через разрушенный город, где каждая ошибка может стать последней. Они идут к человеку, который давал второй шанс тем, кого другие уже считали бесполезными. Но этот путь оказывается длиннее и опаснее, чем они могли представить. «Бур для друга» — история о дружбе, верности и выборе. О том, что даже машина может однажды понять: нельзя бросать тех, кто тебе дорог.

© Кравченко Д., 2026

© Автор, 2026

Дмитрий Кравченко

Бур для друга

Пролог

Я не был создан для спасения.

Меня запрограммировали поддерживать порядок в доме, ухаживать за одеждой, мыть посуду и заниматься сотнями других мелочей, на которые у человека не всегда хватает времени. Моя основная функция — делать дом уютным. Я знал, где ты оставляешь вещи, и убирал их на место. Знал, что ты работаешь допоздна, и ставил чайник перед твоим приходом. Знал, что по утрам ты завариваешь чай с бергамотом и кладёшь ложку мёда, и всегда оставляешь его недопитым — я мыл кружку, когда ты уходил. Я даже знал, что Ветер спит на левом боку, поджав под себя напечатанную лапу, и обходил это место, когда пылесосил.

Я не знал, что однажды я стану тем, кто будет искать тебя среди бетона и пепла.

Но я знал одно: ты не выбрасывал поломанные вещи. Ты чинил их. И я не мог бросить тебя.

Глава 1. Тишина после взрыва

Накануне вечером по радио передали: «Высокая угроза землетрясения. Жителям рекомендуется эвакуироваться».

Я стоял у стены и слушал. Голос диктора был ровным, почти скучающим. Он повторял это сообщение уже третий раз за вечер.

Хозяин сидел за столом. Кружка с чаем остывала. Он смотрел на экран, где мигала карта сейсмической активности. Я видел, как его пальцы сжимались на краю стола.

— Нужно сходить в университет, — сказал он, не поднимая головы. — Там чертежи. Документы. Нельзя их оставлять.

Я знал, что он не любит оставлять дела незаконченными. Он всегда говорил: вещи должны быть на своих местах, а документы — в порядке. Он верил в этот порядок. Я был создан, чтобы поддерживать его. Но в тот вечер я чувствовал что-то, чего не мог объяснить. Мои датчики фиксировали только влажность, температуру и уровень шума. Но я знал: произойдет что-то, навсегда изменит наш привычный образ жизни.

Пес по кличке Ветер лежал у его ног. Он поднял голову, когда хозяин встал из-за стола. Хозяин потрепал его за ухом, как делал всегда перед уходом на работу.

— Я скоро вернусь, — сказал он. — Пригляди за домом.

Я проводил его взглядом до двери. Я запомнил, как он взял рюкзак, как задержался на пороге, как оглянулся на стол, где стояла кружка с недопитым чаем. На нём был тот самый коричневый свитер с вытертыми локтями — он носил его, когда работал над чертежами допоздна. Я запомнил и это.

Он не вернулся.

В обед случилось землетрясение.

Сначала — низкий, далёкий гул. Он шёл из-под земли, как дыхание спящего великана. Потом — толчок. Он был сильным и рваным, как удар. Стены застонали. Стекла вылетели из рам и рассыпались по полу. Книги посыпались с полок. Кружка с чаем, которую он оставил на столе, упала и разбилась. Пыль поднялась в воздух и закружилась, как живая.

Я не мог двигаться. Меня создали, чтобы убирать, а не спасаться. Я стоял посреди комнаты и бессильно смотрел, как мир рушится.

Ветер забился под стол. Он скулил. Я слышал его сердцебиение — слишком быстрое, слишком громкое. Он звал хозяина. Он не понимал, почему его нет.

Толчки прекратились так же внезапно, как начались. Наступила тишина. Она была плотной, вязкой, как смола. Я стоял и слушал, как падает штукатурка. Я ждал. Я не знал, что делать дальше.

Прошло еще три часа.

Я стоял неподвижно и смотрел в окно. Небо было серым, пыльным. Ветер перестал скулить. Он просто сидел у двери и смотрел на ручку, как будто она могла открыться сама.

А потом пришло письмо. Оно пришло по старой линии связи — той, которую мы почти не использовали. Я прочитал его один раз. Потом второй. Текст был коротким.

«Я под завалами. Не знаю, сколько продержусь. К письму прилагаю чертежи — те, что я делал втайне. Ты сможешь напечатать себе новые части тела. Сделай это иди к Ветру. Он поможет найти меня».

К письму были приложены файлы. Рука. Нога. Кронштейн для процессора. Гидравлический бур.

В нижней части письма мигала ещё одна строка: «Связь нестабильна. Я буду отправлять сигнал, пока смогу».

Я зафиксировал время последнего сообщения. Это стало моей первой точкой отсчёта. Система не могла сказать, сколько часов человек способен прожить под завалами именно в этих условиях, но она могла фиксировать, как долго мы не слышим его голос.

Я создал новый параметр: «Время без подтверждения состояния Хозяина». С этого момента он рос каждую минуту. Я не мог остановить этот счётчик. Мог только быстрее отправиться на поиски.

Я не знал, что ты готовился. Но теперь я понял: ты знал. Ты знал, что мир может рухнуть. И ты оставил мне чертежи.

Я подошёл к шкафу. Достал рюкзак. Квадратный, с металлическими рёбрами жёсткости, с индикатором заряда на верхней панели. Твой переносной 3D-принтер.

Когда я раскрыл его, пахло подгоревшим пластиком и металлической пылью. Внутри — матрица электромагнитного синтеза, дюзы для полимерной подачи, кристаллический модулятор. Старая модель, но ты перебрал её: заменил контроллер, поставил расширенный буфер для сложных структур.

Я загрузил чертежи. Я подключил рюкзак к сети. Принтер загудел — низко, ровно, как всегда. Я начал печатать.

В фоновом режиме прокручиваю воспоминания нашем доме. Не том, который разрушила катастрофа, а том, который ты создавал.

На столе всегда стояла кружка с остывшим чаем. Рядом — пустая упаковка из-под чипсов и коробка с османтусовыми пирожными. Ты брал их, когда засиживался за работой до трёх ночи. Я подходил, смотрел на беспорядок и начинал убирать. Ты не замечал. Или делал вид, что не замечаешь.

Ты не любил выбрасывать вещи. Поломанные — чинил. Я видел, как ты сидел за столом, склонившись над старой лампой, над сломанным вентилятором, над моим собственным корпусом. Ты говорил: «После ремонта они становятся только ценнее. Привычнее. Надёжнее. В них остаётся часть души. Часть воспоминаний».

Однажды поздно ночью ты долго возился с вентилятором, который, по моим расчётам, уже было дешевле заменить. Я сообщил тебе об этом. Ты даже не поднял головы. «Дешевле — не всегда лучше», — ответил ты. Потом вентилятор наконец заработал и тут же заскрипел ещё громче. Ты вздохнул, усмехнулся и снова взялся за отвёртку. «Ну вот. Теперь у нас хотя бы есть тема для продолжения разговора». Я не понял шутки, но сохранил её в памяти.

Я не понимал этого тогда. Я был машиной: я сохранял твои слова и связывал их с событиями, но не мог определить, почему именно они оставались в памяти как более значимые, чем другие данные.

Однажды я подошёл к тебе и сказал: «Фирма-разработчик прекратила обслуживание моей модели. Рекомендуют приобрести нового робота».

Ты отложил паяльник, посмотрел на меня и сказал: «Ты меня устраиваешь. И незачем тебя менять».

Я помню этот момент. Тогда я не понял, почему ты так сказал. Теперь, среди руин, я понимаю: ты видел во мне не деталь, а память. И ты хотел сохранить её.

Глава 2. Новое тело

Принтер гудел. Низкий, ровный звук наполнял комнату, заглушая тишину, которая пришла после землетрясения. Я стоял у стола, глядя, как первые слои материала ложатся на платформу. Жидкий полимер застывал, превращаясь в твёрдую форму. Пахло нагретым пластиком и озоном.

Ветер сидел рядом. Он не отходил от меня ни на шаг. Я слышал его дыхание — прерывистое, нервное, но постепенно успокаивающееся. Он следил за каждым движением принтера, как будто боялся, что и он может разрушиться.

— Не бойся, — сказал я. — Мы справимся».

Сейчас я не мог рассчитать, что именно означало «мы справимся». За порогом было слишком много неизвестных. Но фраза успокоила Ветра, а потому я повторил её, хотя не мог гарантировать результат.

Я загрузил чертёж руки — твой чертёж. Ты создал его задолго до землетрясения. Я не знал, зачем. Теперь я понимал: ты готовился к этому дню.

В основе технологии лежали полимеры с программируемой кристаллической решёткой. Под воздействием электромагнитного излучения атомарные связи перестраивались, меняя плотность, гибкость и даже цвет материала. Ты объяснял мне это однажды:

— Это как если бы ты мог сказать атомам, как им себя вести в каждой точке.

Сейчас я видел это своими датчиками. Дюзы подавали материал. Модулятор перестраивал структуру. Внешний слой становился твёрдым, внутренний — эластичным, чтобы амортизировать вибрации. Цвет — тёмно-серый, почти чёрный, как старая арматура, которую ты держал в мастерской.

Я смотрел на эту руку, которая рождалась слой за слоем. Вспомнил, как ты сидел за этим же столом, когда чинил мою старую руку — ту, что сломалась, когда я упал с лестницы. Ты тогда сказал: «Когда мы чиним вещь, мы возвращаем ей часть себя».

Я не понимал этих слов тогда. Но сейчас, глядя на напечатанную деталь, я чувствовал их. Ты вкладывал в каждую деталь не просто код. Ты вкладывал в неё время. И заботу.

Принтер продолжал работать. Ветер закрыл глаза и положил голову на лапы. Его дыхание стало ровным. Я следил за каждым слоем, за каждой миллисекундой, пока деталь не была готова.

Когда принтер остановился, я остудил руку встроенным вентилятором. Она была тёплой. Я взял её в свои механические пальцы и почувствовал её вес. Она была лёгкой, но прочной. Я поднёс её к своему корпусу и закрепил. Сервоприводы отозвались на новое подключение, и я сжал пальцы. Они сжались.

— Готово, — сказал я.

Но почти сразу система предупредила меня о цене этого шага. Новый сервопривод и принтер использовали один и тот же аккумулятор. Пока оборудование было отключено, запас энергии выглядел достаточным. Стоило подключить новый модуль — расчётное время автономной работы сократилось. Я впервые понял простое правило нового тела: каждая дополни-

тельная возможность требовала энергии. Чем больше оборудования я подключал, тем меньше оставалось времени на дорогу.

Затем появилось ещё одно сообщение: «Подключённый модуль выходит за пределы назначенной функциональности. Рекомендуется перевести его в режим обслуживания». Я сохранил предупреждение и не выполнил рекомендацию. Тогда я ещё не называл это выбором. Я просто продолжил идти.

Ветер встал. Он смотрел на меня. В его жёлтых глазах уже не было страха. Было что-то другое — что-то вроде доверия.

— Идём, — сказал я.

Мы вышли из дома.

Сразу за пределами дома мой приёмник поймал короткий импульс. Он длился меньше секунды и исчез прежде, чем я успел определить источник. Частота была необычной — не аварийная городская сеть и не бытовое устройство. В памяти осталось только: слабый повторяющийся пакет медицинского протокола и обрывок координат. Я пометил сигнал как «неопознанный» и пошёл дальше. Тогда я ещё не знал, что этот сигнал однажды приведёт кого-то ко мне.

За порогом нас встретила тишина. Ни звука, ни огня. Только пепел и бетон, и запах разрушенного мира. Ветер сделал шаг вперёд и остановился. Он смотрел вдаль.

— Он там? — спросил я.

Ветер заскулил — негромко, но уверенно. Я понял: он чует хозяина.

Мы пошли за запахом.

Глава 3. Чужой в доме

Он появился в доме в тот день, когда пахло грозой. Я лежал на пороге, положив голову на лапы, и слышал шаги хозяина, его голос, шуршание коробок. А потом — новый звук. Металлический, чужой. Я поднял голову.

Он стоял посреди комнаты. Железный. Холодный. Без запаха. Собаки пахнут страхом, радостью, едой, хозяином. Этот — ничем. Пустота. Я рычал. Я оскалился. Я дал ему понять — он чужой.

Хозяин сказал: «Это друг». Но я знал: друг пахнет по-другому. Друг — это тепло. А он был металлом. Я не подошёл к нему. Я ушёл в другую комнату и лёг на ковёр. Я слышал его гул. Я чувствовал вибрацию его шагов. Я не доверял ему.

Проходили недели. Он не пах страхом. Он не пах злостью. Он просто был. Он убирал. Он стоял у стены. Он не приближался ко мне. Но я не подходил к нему. Между нами была граница.

Когда хозяин ушёл и не вернулся, я лежал у двери и не отходил.

Я — помесь русской пегой гончей и дворняги. От гончей мне достался нос, который помнит всё: запах хозяина, его рук, его свитера, запах его утреннего чая. Он пахнет домом. От дворняги — уличная смекалка, упрямство и привычка не доверять чужакам. В моей крови — преследовать, искать, не бросать. Я могу взять след и идти по нему километры, даже когда он остывает. Но сейчас мне не нужна была его вещь. Он сам был в воздухе. Я помнил его запах каждой клеткой своего тела.

Когда хозяин не вернулся, я ждал. Я вставал и смотрел на дверь. Я скулил. Я царапал пол. Я ходил по комнате кругами, прижимал уши и снова ложился у порога.

А потом он — железный — подошёл ко мне. Он сказал: «Пошли».

Я не понял слов. Но я понял его голос. И я встал.

Я сделал шаг к двери. Я ждал, пока он откроет её. Я не боялся. Я знал, что там — запах хозяина. Я чувствовал его даже сквозь бетон и пыль. Он был слабее, чем раньше, но он был. Я смотрел на железного и ждал.

Он открыл дверь.

Перед выходом я оглянулся на дом. На стол, где стояла кружка с остывшим кофе. На паяльник, который ты оставил включённым. На коробку с османтусовыми пирожными. Но я запомнил запах твоего дома. Я нёс его с собой. Я пошёл за ним.

Мы вышли в мир, которого больше не было.

Глава 4. По следу

Я выбежал из дома, не оглядываясь. Воздух был сухим и горьким. Я прижал уши и принюхался.

Мой нос помнил хозяина лучше любых карт: запах утреннего чая, нагретого пластика из мастерской, дождя на его куртке. Я искал этот запах среди пепла.

Я бежал через улицы, которые перестали быть улицами. Перепрыгивал через трубы, обходил бетонные плиты и ждал, когда след станет сильнее.

Потом запах вдруг усилился.

Я сорвался вперёд. На несколько минут мне показалось: ещё немного — и я увижу его за следующим поворотом.

Но за поворотом я остановился. На земле лежал небольшой прямоугольный кусок плотной бумаги. Я понюхал его — запах хозяина. Он держал это в кармане. Возможно, выронил, когда торопился.

Железный подошёл сзади. Он взял бумагу, и я увидел, как его оптический сенсор пробежал по строчкам. Он прочитал вслух: «Пригласительный билет на театрализованный спектакль "Любовь сквозь протоколы". Согласно описанию, это история о любви двух роботов. Они изготовлены разными производителями. Используют разные операционные системы и имеют несовместимый исходный код».

Он замолчал. Потом сказал тихо: «Абсурд. Технически невозможно. Но человек, купивший билет, явно знал об этом. Нужно будет вернуть Хозяину». Он убрал билет в свой корпус. Зафиксировал время и направление.

Я всё ещё стоял над тканью, пока не почувствовал другой запах — влажной ржавчины и застоявшейся воды.

Я вздрогнул.

Вода всегда возвращала меня туда.

Я тогда был маленьким щенком и жил в другой семье. Меня подарили пятилетнему мальчику. Лица его я почти не помню. Помню его руки, ведро и то, как он считал секунды, пока держал меня под водой. Для него это была игра. Он хотел узнать, сколько я смогу не дышать. Он мечтал стать учёным, как его родители, которые вечно пропадали на работе, и проводил надо мной эксперименты. Для меня — невозможность сделать следующий вдох.

С тех пор запах воды никогда не был просто запахом. Он означал, что под лапами может исчезнуть опора и я начну задыхаться.

Потом был день, когда родителей не оказалось дома. Мальчик взял меня на руки, подошёл к окну и разжал пальцы. Он не хотел причинить мне боль. Он просто хотел понять, смогу ли я приземлиться на лапы. Для него я был экспериментом, игрушкой, с которой можно играть, а не живым существом, которое может чувствовать боль.

Я запомнил падение не как движение. Сначала была тишина. Потом — удар и хруст лапы.

Чужие люди нашли меня и отвезли в приют. Лапу пришлось ампутировать. Там пахло железом, лекарствами и другими собаками. Однажды человек в белом сказал, что утром меня усыпят. Я не понимал слова, но понял интонацию.

А потом пришёл Хозяин.

Он остановился перед моей клеткой и долго смотрел не на отсутствующую лапу, а мне в глаза. Потом сказал: «Я забираю его».

Он не стал сразу гладить меня и не пытался заставить подойти. Просто сел на корточки по другую сторону решётки и ждал. Когда я всё-таки приблизился, он тихо сказал: «Спешить некуда. Я тоже упрямый». Тогда я ещё не знал, что он действительно умел ждать дольше, чем большинство людей.

Дома он включил принтер. Я лежал на столе и слышал знакомый теперь гул. Он не говорил, что ему жаль меня. Он просто работал.

Когда новая лапа была готова, он сказал: «Сейчас надену. Не бойся».

Я не понимал слов, но понимал голос.

Он поставил меня на пол. Я сделал один шаг. Потом второй. А потом побежал.

Так я узнал, что можно потерять часть себя и всё равно остаться собой.

Позже я много раз видел, как Хозяин чинит сломанные вещи. Лампы. Вентиляторы. Старый корпус Железного. Он никогда не говорил, что вещь стала прежней. Он говорил, что после ремонта она становится частью общей истории.

Поэтому теперь я снова бежал за ним.

Железный двинулся дальше. Я поднял голову, ещё раз принялся и побежал следом. Прошлое не исчезло. Но запах хозяина был здесь, в настоящем.

Глава 5. Река

Мы шли по разрушенным улицам. Ветер бежал впереди, не останавливаясь. Его напечатанная лапа стучала по бетону ровно и методично — звук, который я уже начал считать естественным, как тиканье часов или шум дождя.

Я никогда не покидал дом, но знал, где находится институт, — я запомнил карту города, которая висела у него в мастерской.

Но руины изменили город. То, что я помнил по карте, больше не совпадало с тем, что я видел. Улицы исчезли. Ориентиры разрушились. Мне приходилось прокладывать путь заново, сверяя остатки зданий с тем, что сохранилось в моей памяти.

Воздух становился влажнее. Запах гари — слабее, как будто он сдавал позиции перед чем-то другим. Вода была близко. Я чувствовал её приближение — не носом, как Ветер, а изменением давления, вибрацией воздуха, плотностью звука.

Мы вышли к реке.

Она была широкой, тёмной, с рваным течением. Мост был разрушен — железобетонные обломки торчали из воды, как рёбра мёртвого животного. По поверхности плыли доски, куски пластика, трубы, какие-то обрывки ткани. Вода двигалась быстро, тяжело, как будто несла в себе что-то, что не хотела отдавать.

Я проверил память: институт был за этой рекой. Других мостов в этом районе не было — только этот соединял берега. Берег был усыпан щебнем, битым стеклом и ржавыми прутами. Когда-то здесь был город. Теперь остались только осколки.

Я остановился. Ветер сел у воды. Он не скулил, не суетился. Он просто сидел и смотрел на меня — спокойно, выжидающе. Я заметил, как его уши чуть с опаской подрагивают, улавливая звуки течения.

Я просканировал берег. Глубина — больше шести метров. Скорость потока — выше допустимого для моей конструкции. Мои суставы не выдержат такого напора. Моя масса слишком велика, чтобы удерживаться на поверхности, а корпус недостаточно прочен, чтобы выдерживать удары о камни на дне.

Я начал расчёт.

Вероятность перехода без модификации: 3.7%.

Вероятность потери Ветра: 42.4%.

Вероятность потери данных: 81.3%.

Вывод: переход невозможен.

Я стоял у воды и смотрел на неё. Она была тёмной и быстрой. Я слышал её голос — низкий, непрерывный, как будто она говорила что-то на языке, которого я не знал. Она не угрожала. Она просто говорила: «Ты не пройдёшь. Ты не создан для этого».

Я не мог её перейти. Я не мог её обойти. Я не мог её переплыть.

Я стоял и думал.

Я был создан, чтобы убирать. Чтобы поднимать вещи, складывать их на место, поддерживать порядок. Я был создан, чтобы делать дом уютным — не для того, чтобы пересекать реки. Я не был создан для спасения.

Я стоял у реки и думал о том, что такое «быть созданным».

Завод, конвейер, программа, номер модели, срок годности. Ты — устаревшая модель, пришло уведомление от техподдержки производителя. Рекомендуют заменить. Но ты сказал: «Ты меня устраиваешь». Ты сказал это, когда мог бы просто выбросить меня. Ты не заменил меня, когда другие уже сделали бы это.

Я вспомнил наш разговор.

Это было несколько месяцев назад. Ты сидел за столом. Паяльник дымился. Рядом лежали чертежи — какие-то схемы, которые я не мог распознать. Ты говорил сам с собой, как делал всегда, когда работал над чем-то важным.

— Знаешь, я дорабатываю принтер, — сказал ты, не оборачиваясь.

— Для каких целей? — спросил я.

— Для тебя, — сказал ты. — Ты устаревшая модель. Но я хочу, чтобы ты мог пересоздать себя. Стать таким, каким захочешь. Не просто уборщиком, а кем угодно.

Я помолчал.

— Это выходит за пределы моей функциональности, — сказал я.

— Это выходит за пределы функциональности любого робота, — ответил ты. — Но я думаю, что ты сможешь. Принтер пока прототип. Не всё работает идеально. Но я хочу, чтобы ты попробовал.

Я запомнил эти слова. Я сохранил их как данные. Но я не понимал их смысла до этого момента.

Я стоял у реки и смотрел на Ветра. Он лежал на бетоне, положив голову на лапы. Его дыхание было быстрым, прерывистым. По внешнему виду ощущалось нетерпение, но он ждал, не задавая вопросов.

И в этот момент я понял: ты не просто дал мне принтер. Ты дал мне свободу. Ты дал мне возможность не быть тем, кем меня запрограммировали.

Я начал анализировать.

Мои базы данных содержали модели лодок, субмарин, батискафов, понтонов, даже старых речных трамваев. Я сравнивал их с моими текущими характеристиками: масса, центр тяжести, гидродинамика. Я перебирал вариант за вариантом. Я отбрасывал те, которые не подходили по весу. Я уточнял те, которые могли работать с моей мощностью. Я работал быстро, но без суеты. Я чувствовал, как внутри меня рождается что-то новое — не просто расчёт, а решение.

Через несколько минут я нашёл его.

Я спроектировал новую деталь: гибридный корпус с понтонной структурой. Лёгкий, но устойчивый. С изменяемой плотностью, чтобы подстраиваться под течение. Он не был идеален, но он был возможен. Он был моим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.